

16+

Ольга Виноградова

ПрОклятый Рай или Гаити в 1793 году

Ольга Юрьевна Виноградова

Проклятый рай, или Гаити в 1793 году

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45133130

SelfPub; 2019

Аннотация

Французская колония Сен-Доминго, конец 18 века. Начало революции во Франции и местная война за свободу и отмену рабства на острове. Ни предрассудки колониального быта, ни расовая рознь не смогли помешать любви чернокожего креола Жака Буарди и белой француженки Марии Дюплесси.

«Лучше лишиться колоний, чем принципа»

(М.Робеспьер по поводу несовместимости принципов демократии с колониализмом и рабством)

Антилы, Сен-Доминго. Август 1790 года...

В этих районах Мариэтта оказалась впервые. Шла как в тумане, не разбирая дороги. Несмотря на 37 улиц, шедших с запада на восток и 19 других, которые их пересекали, Кап-Франсэ был небольшим городом, и немало тёмных глаз наблюдало за светловолосой и очень бледной, небогато одетой девушкой с ребенком на руках.

Не обращая внимания на чужие взгляды, Мариэтта смешалась с этой шумной и разноцветной толпой. Больше всего в толпе было чёрных, бронзовых и оливково-смуглых лиц, но далеко не все они были в лохмотьях.

Освобожденные рабы, чернокожие или мулаты отличались от белых жителей Сен-Доминго лишь цветом кожи и склонностью к более яркой одежде. Некоторые даже демонстрировали обеспеченность в выборе тканей и драгоценностей.

Дело в том, что некоторые французские плантаторы в отличие от своих «коллег» американцев и англичан нередко признавали своими детей мулатов, рожденных от рабынь, эти люди вырастали свободными, нередко папаши посылали их учиться в Париж, а иногда даже оставляли им в наследство саму плантацию и рабов.

На фоне изящно одетых свободных мулатов, лохмотья на худых телах изможденных африканских невольников выглядели особенно потрясающе и дико.

Наличие узкой категории не просто свободных, но и образованных чернокожих резко отличало быт карибских колоний Франции от соседних владений Англии или США, но в целом французы делили с англосаксами и испанцами, голландцами и португальцами печальную славу жестоких колонизаторов. И в этом отношении режим на Сен-Доминго отличался в худшую сторону...

Без цели и надежды Мариэтта блуждала по узким мощеным улочкам, по обеим сторонам которых стояли одно-двухэтажные дома, сверкавшие под лучами тропического солнца ослепительной белизной.

Всюду росли высокие пальмы, резные листья которых лениво колыхались на горячем, не приносящем прохлады ветерке. Выющиеся растения карабкались вверх белым по стенам домов, цепляясь за балконы...

Только сейчас она почувствовала сильную усталость и присела на серую некрашеную скамейку. Ребенок на ее руках проснулся и закричал. Девушка нервным движением прижала его к себе. «Ну что, сынок. Идти нам с тобой некуда. Твоей бедной маме придется стать уличной девкой, какой ее и так уже считают. Господи, что угодно, только не это.. Сейчас бы любую работу, даже самую грязную», – в своем отчаянии она не заметила, что эти слова вырвались вслух.

Девушка невольно вздрогнула, услышав за спиной низкий бархатистый голос:

«Мадам, не могу ли я чем-нибудь вам помочь?»

Обернувшись, она увидела стройного скромно одетого молодого человека лет 28-30. У него были блестящие и курчавые волосы, очень чёрная кожа с тёплым шоколадным отливом, словно подцвеченная изнутри, высокие скулы, прямой нос с широкими на взгляд европейца ноздрями и полные, красиво очерченные губы. Миндалевидные глаза индийского разреза с яркими белками мягко и сочувственно смотрели на нее.

– Простите, но я случайно услышал ваши слова. Уверен, что в этой части города вы без особого труда найдете работу, малооплачиваемую, но по крайней мере приличную для молодой женщины, – под его взглядом она покраснела, значит он и вправду слышал всё.

– Есть и жильё, мадам, буквально через два дома. Извините, мадам, я забыл представиться, меня зовут Жак Оливье Буарди. Не бойтесь же, меня здесь хорошо знают..

Мариэтта молча изучала его лицо и не нашла в нём и следа искусно скрытых низких побуждений.

– Мария Дюплесси. Мой сын Антуан..., – она указала на ребенка, мирно дремавшего на ее руках.

Что побудило ее к доверию более всего, отчаяние и безысходность или открытое честное лицо спутника? Она и сама бы не ответила на этот вопрос.

Дом Жака Буарди на углу улицы Сен-Жермен был скромным в один этаж и всего три комнаты. Мариэтте была предложена одна из них.

– Чувствуйте себя как дома, мадам. Другие комнаты также для вас не закрыты. Где кухня вы уже знаете, всё что там есть в вашем распоряжении. Моё присутствие не сильно вас стеснит, сейчас у меня много работы и возвращаюсь я чаще ко времени ужина.

Мариэтта почувствовала неловкость:

– Месье Буарди я же не могу жить у вас просто так, мне нужно искать работу. А сына совсем не с кем оставить...

В слабом свете лампы на тёмном лице Буарди особенно резко выделялись белки глаз. Он задумался, но ненадолго.

– Пусть это вас не беспокоит. Работу здесь найти нетрудно, но это наверное будет непривычное для белой женщины занятие, стирать, готовить и мыть посуду, прибираться, следить за чужими детьми. Но если вы хотите чем-нибудь заняться, прибирайтесь здесь иногда..

– Нет, право же, мне неловко пользоваться вашей добротой, тогда я могла бы еще и готовить...

Буарди кивнул, мягко улыбаясь:

– Это было бы хорошо. Доброй ночи, мадам»

Розовые губы девушки болезненно дёрнулись, когда она поправила его:

– Мадемуазель... – и отвела взгляд.

Добрый взгляд тёмных миндалевидных глаз стал серё-

зен:

– Это не принципиально, ничего не меняет и ничего не значит в этой части города. Доброй ночи...

Оставшись одна в своей новой комнате и уложив сына, Мариэтта задумалась о том, что произошло с ней за последние два года.

Она была дочерью торговца из Бордо, мать умерла в 1788 году, когда девушке было 16 лет. Дела отца шли не слишком хорошо и подобно многим, отправился искать счастья за океан на Сен-Доминго, увозя с собой юных дочерей 17-летнюю Марию и 20-летнюю Каролину.

Отца преследовали неудачи и на новом месте, он не сумел разбогатеть и вскоре умер. Старшая сестра вышла замуж за мелкого колониального чиновника и попала в более обеспеченные круги, отец мог бы ею гордиться.

А Мариэтта, доверчивая, юная и миловидная не смогла долго скрывать то, что стало последствием короткого и неудачного романа с молодым красавцем-дворянином, сыном плантатора. Узнав о беременности девушки, сиятельный кавалер равнодушно отвернулся от нее. «Как, неужели эта наивная простолюдинка еще рассчитывала на брак?!»

Девушка не ожидала того, что произошло дальше, от неё, «безнравственной и падшей» отвернулись все, родная сестра с мужем, подруги, соседи.. Собрав последние деньги, девушка переехала с сыном из Леогана в Кап-Франсэ.

Но в стране, избалованной рабством нигде не требовалась свободная белая прислуга, которой еще надо платить и при этом сносно обращаться. С трудом нашла Мариэтта место няньки в особняке молодой графини де Марни, жены крупного плантатора. Кап-Франсэ не был огромным городом, и когда через год она увидела на улице знакомое лицо из Леогана, то сердцем поняла, это беда.

Слава «падшей» настигла девушку и здесь! Графиня была разгневана. Как! Её невинная маленькая дочь доверена беспутной девке!»

И Мариэтта была немедленно уволена. Двери так называемых «приличных домов» теперь стали для нее закрыты, нарядные дамы презрительно фыркали, мужчины делали откровенные предложения, считая, что ей «уже нечего терять». За комнату стало нечем платить...

Все были убеждены, что кроме жалкой участи проститутки её ничего более не ждёт. Отчаянно борясь с растущим нежеланием жить, и оказалась Мариэтта с сыном на руках на незнакомых ей ранее улицах Чёрного города, где жили цветные жители Кап-Франсэ.

Уже месяц жила Мариэтта на улице Сен-Жермен. В уходе за ребенком ей охотно помогала соседка «тетушка» Марта, добродушная толстая женщина лет 60 с внешностью чистокровной африканки. Мариэтта мыла посуду в трактире «У Монтесумы», где была единственной белой служанкой и вела хозяйство в доме Буарди.

Знаки внимания молодого человека были настолько неуловимы, так ненавязчивы, скромны и деликатны, что заставили Мари взглянуть на него иными глазами.

Непривычная внешность, тёмный цвет кожи раньше, скорее всего оттолкнули бы девушку, помешали бы ей взглянуть на него, как на мужчину.

Присмотревшись, она нашла его своеобразно привлекательным, пусть и не по европейски, умным, добрым и надёжным, не лишённым юмора, правильная французская речь свидетельствовала о некотором образовании.

К тому же, он очень тепло относился к ребенку и ни разу не пытался воспользоваться ее трудным положением, что было крайне важно. Иногда ей казалось, что знает его всю жизнь. Прежние церемонные «вы», «мадам», «месье» были давно забыты...

Но однажды вечером, укладывая сына Мариэтта через полуоткрытую дверь на веранду услышала приглушенный разговор тётушки Марты и Жака.

– Она милая девочка, Жак, очень славная. Я еще ни разу не видела, чтобы белая женщина оказалась в таком положении. Я понимаю твои чувства, сынок, не думай, старая Марта видит всё. Но легче приручить дикого зверя, чем белого человека, особенно женщину этой высокомерной расы. Они вас не считают за мужчин, ты для неё «негр» и только. В лучшем случае «добрый преданный друг». А ты гордый и не захочешь изображать бесполого верного пса белой дамы. Из-

вини уж старухе её слова, мне просто жаль тебя..чем быстрее она съедет отсюда, тем будет лучше для всех...

Жак молчал, затем криво улыбаясь, поднял глаза на старуху:

– Для меня не будет лучше... А что, тетушка Марта, вдруг мне под силу совершить чудо? Кто мне твердил, что я не похож на других?

А Марта продолжала:

– К тому же это совсем небезопасно. Соседи её приметили, пришлось сказать ради общего блага, что она вовсе и не белая, а просто очень светлая квартиронка. А вдруг не поверили? Взгляни на её волосы, они золотые как песок побережья, а глаза, синие-синие, как море, то-то.. Но и это мелочи, вот если о том, что она живёт здесь, под одной с тобой крышей, узнают белые, душа холодеет, Жак...

Мариэтта напряженно вслушивалась из-за двери.

– Будь что будет, тетушка Марта! Пусть считается цветной, если так безопаснее для всех нас, но надо прежде поговорить с ней, вдруг она не согласится. Но, Боже, Марта я готов сделать невозможное, чтобы она навсегда осталась здесь! Осталась со мной!, – страдание в его голосе заставило вздрогнуть притихнувшую девушку, непрошено-нежданные жалость и нежность закрались в юное, но уже уставшее от горя и одиночества сердце.

– Тогда измени цвет кожи, соверши чудо, ухитрись стать белым, Жак», – мягкий голос тетушки Марты прозвучал

вдруг на удивление холодно и резко, – я лишь по-матерински хотела остеречь, но вижу, что это бессмысленно. Вокруг тебя столько добрых и красивых девушек африканок и антильянос, но нет, тебе всегда хочется невозможного, своей безумной страстью ты накличешь на нас беду.

Неожиданно заплакал проснувшийся ребенок, и голоса на веранде смолкли. Послышались шаги, и хлопнула входная дверь. Выйдя из комнаты, девушка поняла, что она с сыном в доме одни. Жак ушел вместе с Мартой. Куда же?

Мариэтта вышла на веранду. Воздух был пропитан ароматом цветов из маленького садика. Время было позднее. Душная тропическая ночь бархатным покрывалом укутала город.

1790 год. Это было время губернаторства на Сен-Доминго Филиппа-Франсуа де Бланшланда, ярого защитника королевской власти во Франции и рабства в ее колониях, ненавистника всех «небелых».

Чёрный город отличался от Белого также, как рабочее предместье Парижа Сент-Антуан от аристократического района Сен-Жермен. На Сен-Доминго «аристократы» это люди белой расы, в основном французы, а народ представлен цветным населением.

Но не все цветные жители были бедны и безграмотны, что легко было заметить по некоторым жителям этой части города, по их независимому виду и властным манерам, хорошей дорогой одежде.

Здесь эти люди влиятельны, они держатся обособленно от работавшей на них бедноты, содержат гостиницы, таверны и кафе.

Но даже от них белая власть требовала того же униженно-подобострастного поведения, что и от цветной бедноты и даже рабов.

Их влияние и власть ограничивались рамками Чёрного города. Даже образование и деньги в условиях колониального режима не давали чернокожим сами по себе никакого подобия равноправия.

Если жизнью белых французов Сен-Доминго управляли законы далекой Родины, то жизнью чёрных управлял печально известный «чёрный кодекс», свод законов, созданный в принципе только для рабов, но широко применявшийся и к свободным темнокожим.

Образованные антильянос мрачно шутили: «Это документ, на 99 страницах которого объясняется, в чём отказано чёрным и в конце последней, 100-й одной строкой приписано, на что еще в этой жизни они имеют право..»

Жестокость к рабам была потрясающей. Французские плантаторы «развлекались» на манер испанских конкистадоров 16 века, устраивали в усадьбах помещения для пыток и экзекуций, травили рабов натасканными на человека собаками..

Абсолютная власть и развращает абсолютно. Даже рост цен на рабов не заставлял хозяев больше заботиться о со-

хранении их жизней, люди на плантациях обновлялись часто именно потому, что умирали, не выдерживая голода, непосильного труда без перерывов по 16-18 часов в сутки, побоев и пыток.

Им создавали ад на земле, насиловали их жён, сестёр и дочерей, даже малолетних девочек. Так что в бурные моменты восстаний, чёрные рабы не только сжигали усадьбы ненавистных господ, но и с особенным удовлетворением насиловали изящных плантаторских жён-аристократок и молоденьких дочерей и сестёр.

Карибские острова.. Красивая земля и чудовищные порядки, рай на земле, превращенный в ад руками человеческими...

Эта земля погребла в своих недрах своё древнее индейское население, людей племени таино, до последнего старика и ребенка.. Эти рощи и скалы видели жуткие злодеяния испанской солдатни, груды полуживых изуродованных тел с отрубленными руками, ногами, без носа, глаз и ушей, золотые пески побережья краснели от крови теряющих силы защитников острова..

Но этого было мало, вслед за индейцами настал черед африканцев заливать своей кровью эти прекрасные земли и нечеловеческими усилиями добывать благосостояние и процветание «старушке Европе»...

Красивая, щедрая земля, она умеет от души принимать гостей, но никогда не признает их хозяевами... (листки Ти

Ноэля).

Характерно, что подавляющее большинство французских владельцев рабов и плантаций принадлежали к дворянству. Избалованные покорной услужливостью забитых рабов и безответной податливостью юных и красивых рабынь эти люди уже не хотели возвращаться на историческую родину.

Были на Сен-Доминго и другие белые, это меньшинство, не имевшее отношения к рабовладению и работорговле, это вывезенные из Франции повара, музыканты, а также крестьяне, мечтавшие о заокеанском дармовом эльдорадо, но и здесь попавшие в самые низшие слои, «ниже» их могли считаться только цветные жители и плантационные рабы...

Между белыми сохранялись те же сословные перегородки, что разделяли их во Франции, дворяне презирали и чурались «простолюдинов», но по отношению к цветным белые объединялись в «единый лагерь», по местным понятиям самый ничтожный из белых «неизмеримо достойнее и выше» самого лучшего чернокожего.

Утонченно-вежливые с женщинами у себя в Европе, здесь белые мужчины не стеснялись проявлений пренебрежения и грубости в отношении темнокожих женщин, цветным часто говорили «ты» и не говорили обычное «месье» и «мадам», ничем не рискуя, прямо в лицо обзывали «черномазыми», «обезьянами», «животными», пользуясь, что им не смеют ответить.

Здесь в колониях, расовые различия были возведены в

степень классовых, малейший оттенок в цвете кожи, нюанс в примесях крови, легкое отличие в происхождении играло в жизни местных жителей роль главную и решающую, приближая либо к правящим, либо к угнетенным.

Цветное большинство, без малого 90% населения острова между собой также делилось на рабов и малочисленную прослойку свободных.

В отличие от владений Англии и США, в колониях Франции мулаты и люди еще более смешанной крови были юридически отделены от чернокожих, в массе своей они были свободны, но прав равных с белыми мулаты всё же не имели.

В колониях европейцы разработали даже специальную терминологию для обозначения всех возможных вариантов происхождения: «гарифы» – дети коренных индейцев и чернокожих, «квартероны» – дети белого и мулатки, «терцероны» – дети белого и квартеронки и т.п. Все эти «квартероны» и прочие, внешне белые, считались условно «цветными» за сам факт наличия в их жилах смешанной крови и также подвергались унижениям дискриминации.

Делились эти люди еще в одном отношении: франкоязычные выросшие в смешанной афро-французской креольской традиции уроженцы острова – «антильянос» и люди, привезенные с западного побережья Африки.

Белые Сен-Доминго приняли революцию во Франции в штывы, она грозила разрушить самые основы колониального порядка и отменить рабство и неравенство рас.

Защитники рабства в Национальном Собрании представлены молодыми аристократами братьями Ламет, сами бывшие владельцами плантаций на Сен-Доминго, позднее к ним присоединился жирондист Бриссо.

Доктор Марат принципиально порвал всякие отношения с прежним товарищем из-за измены последнего в важнейшем вопросе об отмене рабства и равноправии свободного цветного населения французских колоний.

Ведь не зря молодой депутат от Арраса Робеспьер сказал в Национальном Собрании: «Лучше лишиться колоний, чем принципа!». Он имел в виду принципы демократии, отвергающие рабство и все виды угнетения человека по каким-либо признакам, будь то социальное происхождение или цвет кожи...

Робеспьер хлётко называл идеи расового «превосходства» европейцев над народами колоний идеями «дворянства белой кожи».

Плантаторы дерзко заявили, что не подчинятся решениям Парижа и будут жить автономно, сохраняя верность королевской власти и устои рабства.

Первыми пришли в движение мулаты, они считали себя прослойкой, отдельной от чёрных и поэтому ими была поднята не тема отмены рабства, а лишь уравнивание мулатов в правах с белыми и новые выборы. Среди лидеров выделялся Венсан Оже, молодой мулат, получивший образование в Париже.

Взбешённые плантаторы пресекли выступления и устроили для их руководителей, в их числе жутким образом погиб молодой Оже средневеково-зверские казни, подчеркнув этим, что «демократия, равенство и братство» касаются только белых!

Восстание чёрных рабов началось в августе 1790 года под влиянием идей французской революции.

Интересно при этом, что африканцы и чёрные антильянос редко выступали вместе со своими полукровными соплеменниками, часто убивали их вместе с белыми, так как мулаты иногда бывали и надсмотрщиками на плантациях и даже владельцами рабов, больше того, желая угодить белым и выгадать себе новые послабления, скверно относились к чернокожим.

Положение мулатов было двойственным, белые называли их – «полу-негры», для чёрных и для самих себя они «полу-белые»!

Сумятица усугублялась тем, что на Сен-Доминго белые плантаторы – аристократы представляли собой еще и партию французских роялистов, а малочисленные местные республиканцы из белых и чёрные рабы воодушевлялись новыми идеями свободы, равенства и братства.

Жак Буарди сумрачно склонился над столом. Он не любил эти воспоминания, посёлок Лемуан под Леоганом, где жили семьи освобождённых рабов. Ни малейшей ностальгии и

теплоты не пробуждали в молодом человеке эти воспоминания о сумеречном существовании детских и юношеских лет. Жители посёлка, как наёмные рабочие трудились на плантации своего бывшего хозяина за жалкие гроши, от которых отказался бы и белый крестьянин.

Лемуан, каким он навсегда запомнился Жаку... Убогие домишки, огороды, вечно размытые ливнями дороги, грязи по колена, вечный голод и вечные унижения, никаких надежд. Невозмутимые лица, бронзовые и чёрные маски, за которыми и усталость заезженных вьючных животных, и терпение мучеников, и непримиримая ненависть. Что видит чужак со стороны? Ровно ничего. Подчёркнутая услужливость, белозубые улыбки и низкие поклоны: «Да, месье, слушаюсь, мадам...»

Чем хуже живет Лемуан, тем чаще слышны по вечерам народные песни и жёсткий ритм барабанов. Уголки полных губ Жака чуть насмешливо изогнулись. Только белые думают, что петь и танцевать можно исключительно от радости, от сытости и довольства жизнью. Танцуют? Значит еще живы, есть еще жизненные силы, жива душа народа. Только ли для того, чтобы терпеть дальше? У потомков африканцев танец способен выразить любые человеческие чувства, выплескивая в мир как радость, так и горе, как любовь, так и гнев... Это искусственное оживление Лемуана, как смех сквозь слёзы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.